

ИЗЪ ЛАГЕРЕЙ ПОДЪ ВИЛЬНОЙ И ДИНАБУРГОМЪ.

(Замѣтка старослуживаго.)

Въ наше старое «покойное» время, десять, пятнадцать лѣтъ немного значили не только въ быту всего народа, но даже и въ частной жизни отдѣльныхъ личностей: иногда ничего новаго не приносили и ничего стараго не уносили эти десять, пятнадцать лѣтъ и, напримѣръ, въ арміи, кромѣ производства да перемѣнъ въ дислокаціи, жилось, бывало, лѣтъ по двадцати—«нынче, какъ вчера».

Теперь не то. Застоявшаяся жизнь, какъ рѣка, спертая въ сорной запрудѣ и отведенная искусной рукой въ свое естественное ложе, ринулась впередъ, занимая свой упраздненный путь, который успѣлъ уже порядкомъ заглухнуть и порости разнымъ ненужнымъ зельемъ. Какъ волна за волной, событія слѣдуютъ одно за другимъ, быстро преобразуя весь устарѣлый строй народной и государственной жизни. На нашихъ глазахъ, въ послѣднія десять лѣтъ, совершилось столько подобныхъ событій, что лишь строгая взаимная связь ихъ скрываетъ великость каждаго изъ нихъ отдѣльно; точно такъ, какъ пропорциональность и гармоническое сочетаніе частей колоссальнаго зданія или изваянія скрываетъ отъ взора ихъ громадность.

Къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ событій, какъ по государственному и народному значенію своему, такъ и по многосторонности задачи, принадлежитъ преобразование вооруженныхъ нашихъ силъ—реформа арміи.

Сокращеніе, на половину, срока службы солдата, рѣшительное измѣненіе судебныхъ узаконеній и судопроизводства, грамотность и новое оружіе глубоко измѣнили всѣ условія комплектованія, воспитанія и всего быта арміи.

Официальныя и теоретическія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, до-

статочныя для людей незаинтересованныхъ непосредственно въ дѣлѣ, конечно не удовлетворяютъ тѣхъ, чья дѣятельность прямо или косвенно связана съ жизнью войска: тутъ необходимо основательное изученіе самой этой жизни.

По собственному опыту, коротко знакомый съ прежнимъ военнымъ бытомъ, и около пятнадцати лѣтъ исключительно занимаюсь изданіемъ журнала и книжекъ для солдатъ, въ послѣднее время я не могъ не замѣтить, что опытность моя оказывается устарѣлою, и потому старался ознакомиться ближе съ бытомъ и личностью нынѣшняго солдата.

Въ нѣкоторой степени я въ этомъ успѣлъ. Представляя вниманію читателей вынесенныя мною изъ этого знакомства впечатлѣнія, считаю долгомъ оговориться: по обстоятельствамъ, я располагалъ весьма короткимъ временемъ, и, къ тому же, въ одномъ изъ лагерей засталъ только часть людей; другая, и большая, была на работахъ. Наконецъ, лагерный сборъ хотя и представляетъ для такой цѣли самое выгодное, но за то нѣсколько одностороннее положеніе. Этотъ недостатокъ, между прочимъ, долженъ отразиться и въ моихъ замѣткахъ.

И еще долженъ замѣтить, что въ подобномъ новомъ знакомствѣ неизбежно мимовольное мысленное сопоставленіе старыхъ товарищей съ новыми знакомцами. А старыхъ товарищей моихъ я имѣлъ честь въ послѣдній разъ видѣть въ самой блистательной обстановкѣ и въ самыхъ торжественныхъ минутахъ солдатской жизни: на боевой позиціи подъ Инкерманомъ. Тамъ, отстаявая «многострадательный градъ», ужъ именно *зрудью*, которая одна оказалась подтверже всей остальной амуниціи и снарядовъ, они были истинно-прекрасны и велики. Сравненіе съ ними, въ этомъ отношеніи, *никому* не можетъ быть выгодно.

Но вообще постараюсь быть безпристрастнымъ и не отвлекусь отъ цѣли.

Въ половинѣ августа привелось мнѣ побывать въ двухъ лагеряхъ, виленскомъ и динбургскомъ. Такъ какъ исключительная цѣль этого посѣщенія—ближайшее знакомство съ бытомъ и личностью нынѣшняго солдата, то, разумѣется, оба лагеря безразличны для цѣли и сливаются въ одну общую картину. Впрочемъ, кромѣ топографическихъ мелочей, они довольно сходны между собою; вся разница въ характерѣ мѣстоположеній: виленскій разбитъ на ровномъ и высокомъ берегу вдоль рѣки Вилия, по опушкѣ молодого сосноваго лѣса;

динабургскій—на холмистой мѣстности, не вдалекѣ рѣки Двины, большею частію своею въ сосновомъ лѣсу, расчищенномъ какъ паркъ.

Лѣсъ на сухой почвѣ и чистая текущая вода—благодать для солдата: тутъ его уединеніе, его клубъ, отдохновеніе и освѣженіе. Въ этомъ отношеніи оба лагеря превосходны. При обоихъ есть и широкое военное поле.

Въ одномъ лагерѣ для офицеровъ построены обширный баракъ: половина его занята столовою, буфетомъ и бильярдомъ, другая — залъ для танцевъ. Это офицерскій клубъ: разъ въ недѣлю, кромѣ своихъ военныхъ семействъ, приглашается изъ города общество дамъ на танцевальныя вечера. Не говоря о важномъ нравственномъ значеніи такого учрежденія для офицеровъ, оно хорошо влияетъ и на солдатъ: весь вечеръ охочіе солдатикимъ толпятся близъ открытой стороны зала и густые кружки ихъ не скучаютъ до 2—3 часовъ за полночь глазѣть на забаву начальниковъ. Понятно, что зрѣлище учтивости, ловкости и приличія—добрый наглядный урокъ для развитія молодежи. Нетанцующіе играютъ въ карты или на бильярдѣ, и при этомъ нѣтъ никакой рѣзкой обособленности старшихъ начальниковъ отъ офицеровъ.

Въ другомъ лагерѣ построена также общая офицерская столовая, съ буфетомъ и бильярдомъ. Здѣсь, между прочимъ, читаются иногда вслухъ интересныя для военныхъ людей статьи журналовъ, газетъ, «Военнаго Сборника» и проч. Офицерскій обѣдъ, изъ двухъ вкусныхъ блюдъ, дешевъ баснословно: по 18 коп. съ персоны. Такая дешевизна, при свѣжести провизіи, только и возможна тамъ, гдѣ спекуляція не имѣетъ мѣста. Поэтому офицерская кухня, не смотря на размѣры посуды, опрятностію своею напоминаетъ не трактирную, а семейную кухню большаго, небогатаго, но добропорядочнаго семейства.

Солдатскія кухни устроены вдоль рѣки и въ передѣлкахъ. Былъ будній день; отвѣдавъ изъ нѣсколькихъ котловъ, я вспомнилъ *наше время*: и въ торжественные праздники мы не ѣдали такъ вкусно. Обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ перемѣлъ: щи, или борщъ, или супъ съ говядиною, по полуфунту на человѣка, и крутая каша съ масломъ. Въ каждой ротѣ варка отличалась какимъ—нибудь легкимъ отгѣнкомъ вкуса: то помыслѣ, то попрѣснѣ, то преобладаетъ перчикъ, или лукъ. «Такъ желаетъ рота», объяснялъ поваръ—кашеваромъ назвать его не приходится—съ полною вѣрою въ свою кулинарную способность угодить всей ротѣ разомъ. На ужинъ дается одна перемѣна. И обѣдъ и ужинъ — въ мѣру аппетита: ограниченій

нѣтъ. При этомъ въ ротахъ всегда имѣется хлѣбный квасъ, любимое народное питье, впрочемъ не шепѣ уважаемое и инородцами.

Возвращаясь къ *старымъ временамъ*, не могу не вспомнить нашей классической общей армейской «варки». Невоздержные учебно-карабинерные языки мѣтко, хоть и злобно, прозвали ее «купоросными щами»; она почему-то всегда отличалась темносизымъ цвѣтомъ и немножко терпкимъ вкусомъ, какъ будто главный наваръ ея получался изъ стѣнокъ чугунаго котла или изъ полуды мѣднаго. Старые служивые, конечно, еще помнятъ, что многіе рекруты, особенно изъ уроженцевъ хлѣбородныхъ губерній, не сразу привыкали къ этому сомнительному блюду, несмотря на то, что оно чаще всего было единственное.

Конечно, и въ наше время были нерѣдкіе примѣры заботливаго продовольствія войскъ здоровою и вкусною пищею; но примѣры эти были исключительные, какъ послѣдствіе личной попечительности начальника.

На кантовирь-квартирахъ солдатъ и нынѣ, разумѣется, не можетъ получать такой пищи, какою онъ пользуется въ лагеряхъ; но, во-первыхъ, кромѣ лагерей, онъ чаще прежняго бываетъ въ «сборѣ, на тѣсныхъ квартирахъ, также въ караулахъ» и, слѣдовательно, питается «съ котла» нѣсколько мѣсяцевъ въ годъ. Во-вторыхъ, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, въ большей части мѣстностей Россіи, запятыхъ солдатскимъ постоемъ, домашній бытъ песселянъ значительно улучшился, и солдатъ получаетъ отъ хозяина уже не такой, какъ въ былыя времена, приварокъ. Этимъ обстоятельствомъ, отчасти, и обуславливается необходимость улучшенія пищи солдата. Но, не входя въ дальнія разсужденія, представляемъ фактъ сравненія прежняго и нынѣшняго продовольствія; не требуется особенныхъ физиологическихъ познаній для рѣшенія, которое изъ нихъ цѣлесообразнѣе: для этого достаточно одного здраваго смысла. Устарѣвшее же, къ счастью, мнѣніе о выносливости нуждъ военнаго времени людьми, привыкшими къ скудной пищѣ, опиралось на такіе дикіе доводы и примѣры—въ родѣ псовой охоты и почтовой гоньбы—которые ничего, кромѣ невѣжества мнителей, не доказываютъ. Организмъ чловѣка можно сравнивать, въ научномъ смыслѣ, съ организмомъ другаго чловѣка—и только. Но вотъ фактъ ясный: одинъ новобранецъ Витебской губерніи, поступивъ изъ партіи въ роту, не имѣлъ силы ни секунды удержать ружья въ горизонтальномъ положеніи на прикладкѣ, а черезъ три недѣли, «покорившись», дѣлалъ это какъ всѣ. И, конечно, это фактъ не единственный.

Ротныя кухни устраиваются всегда въ предѣлахъ «задней линейки». Задняя линейка—это то же, что закулисная часть сцены всякихъ артистовъ: она вѣрнѣе всего характеризуетъ ихъ бытъ; тутъ распахиваются всё—и матеріальныя, и нравственныя ихъ прорѣхи. Картина «задней линейки» нашего времени порой была достойна кисти или пера немаленькаго художника: чего-то тамъ не было! Вопль одиночки, свистъ древесный, громогласная продажа какихъ-то античныхъ, какъ будто състныхъ продуктовъ, купля и мѣна невозможнаго гардероба, лотереи какихъ-то вещей, иногда совѣмъ неправдоподобнаго вида, и на каждомъ шагу подавленное горе лоботрасовъ-рекрутовъ, которые обыкновенно расплачивались своими «овсяными» деньгами за всё побитые горшки на всякомъ торжищѣ. О знаменитыхъ «гниздахъ солдатскихъ ласточекъ» въ обрывахъ крутыхъ береговъ и говорить нечего. Приюты крайней распашки и распоясанности, словно стрегомые самимъ страхомъ, они были почти недоступны дежурнымъ взорамъ, и горе простачку, заблудшему по разсѣянности, или завлеченному по расчету въ эти таинственные клубы древнихъ аристократовъ твердаго фронта.

Были дни и часы—напримѣръ, раздача жалованья—когда задняя линейка, какъ говорится немножко несообразно, превосходила себя: комерція и лотереи развивались во всю ширь, трактиры и реданты переполнялись народомъ, а въ «гниздахъ», просто—дымъ стоялъ комысломъ.

И однако всё эти купли, продажи и клубы имѣли, даже разумную, причину существованія, и потому не очень преслѣдовались властями: тамъ, что называется, отводили душу, морили разныхъ недоморенныхъ червяковъ, нравственно и физически разминались отъ постоянного напряженія. Другихъ способовъ удовлетворенія нѣкоторыхъ настойчивыхъ потребностей солдата, какъ человѣка, не представлялось.

Нынѣшняя задняя линейка даже не напоминаетъ прежней. Трудно и предположить, что подумалъ бы о ней старый солдатъ, внезапно перенесенный сюда изъ своего «далека». Есть солдатская легенда, повѣствующая о кратковременномъ пребываніи солдата, прослужившаго 25 лѣтъ безпорочно, въ раю: «Ни водочки, ни закусочки, ни махорки закурить, ни гвоздя вбить въ небеса лазурныя—ничего не позволяется!... Мѣсто, можетъ быть, и хорошее, да скучное!» рѣшилъ кавалеръ и подалъ въ переводъ. Не больше понравилась бы ему и нынѣшняя задняя линейка. Группы людей посиживаютъ тамъ и сямъ въ скромной бесѣдѣ; два-три земляка, лежа подъ деревомъ, читаютъ,

вѣроятно «грамотку», которая уже называется «письмомъ»; другому хочется пошалить и перескочить черезъ голову товарища чехардой. Иной чинить кафтанъ, тыкая иглу отъ себя, какъ пику. Вдали тебѣютъ тоже «гнѣзда ласточекъ», но тамъ производится либо тихое шитье, либо стирка—«а объ водкѣ ни полслова (*)!

Какая же это задняя линейка!

А между тѣмъ, обѣ линейки, и прежняя, и нынѣшняя, представляютъ дѣйствительную закулисную жизнь стараго и новаго солдата.

И эта закулисная жизнь проводится солдатомъ вездѣ одинаково: всюду онъ учреждаетъ свою «заднюю линейку». Старики учреждали ее: походомъ—по задворкамъ и загушеньямъ; на кантонирь-квартирахъ—въ лачугахъ солдатокъ и бобылихъ, все съ тою же цѣлю, съ которой существовалъ вышеописанный прототипъ ея: съ цѣлю распахнуться, не чувствуя на себѣ ни чьихъ строгихъ и пытливыхъ взоровъ и, отчасти, пополнить недоимку, весьма естественную послѣ пресловутыхъ «купоросныхъ шей» или плохаго квартирнаго приварка. Честные и богобоязненные «ротные корневики» непричастные ничему предосудительному, конечно, не одобряли, но и не слишкомъ осуждали хитрыя фуражировки проказниковъ; даже ближайшее капральное начальство считало возможнымъ глядѣть на это иногда сквозь пальцы. И такимъ способомъ въ солдатахъ часто проявлялось то равнодушное и даже небрежное отношеніе къ непохвальной наклонности, дальнѣйшее развитіе которой въ человѣкѣ естественно ведетъ его къ формальному неуваженію чужой собственности.

Но исчезла причина явленія — исчезаетъ и явленіе. Сытый, хорошо одѣтый и незапуганный человѣкъ не станетъ искать пополненія недоимокъ и мѣста распашки, не создастъ *нашей* задней линейки, и, что главное—оковчательно уничтожить въ народѣ прежнюю нелестную репутацію «солдатской шинели» (**) и окружить имя солдата дѣйствительнымъ почтеніемъ. Это будетъ великой всенародной заслугой нынѣшняго солдата.

Прохаживаясь съ однимъ изъ начальниковъ промежъ палатокъ, я заговаривалъ съ встрѣчными солдатами: знаменитая вытяжка, быстрый, срывающийся съ языка, отвѣтъ на каждый внезапный вопросъ, кла-

(*) Вообще, непривычное старому глазу и уху благочиніе было таково, что въ шесть дней пребыванія моего въ лагеряхъ я только *разъ* услышалъ одно *крупное слово*, употреблявшееся въ наше время во всѣхъ разговорахъ такъ же неизменно, какъ масло къ кашѣ и соль во щакѣ.

(**) Богобоязненные деревенскія старухи всегда проповѣдывали, что „солдатъ воинъ христоролюбивый, самъ по себѣ хорошій человѣкъ, да шинель-то его изъ дурнаго волоса—зацѣпливая“.

сическое «провожапіе глазами»—все это смѣнилось спокойнымъ, неторопливымъ вниманіемъ. Что-то знакомое вспомнилось мнѣ въ этомъ внимательномъ спокойствіи; но сразу я положительно не далъ себѣ отчета въ промелькнувшемъ воспоминаніи. Передо мной были оживленные, но безмятежныя лица, видимо непривыкшія робѣть безпричинно. На вопросы они отвѣчали не только неторопою, а иногда даже вопросомъ же: «о чемъ вы спрашиваете?» и почти всегда съ нѣкоторою медленностію.

Нисколько неудивительно, что на глазъ нѣкоторыхъ старыхъ служахъ, привыкшихъ къ прежнему фронту, нынѣшній солдатъ кажется нѣсколько валымъ: «нѣтъ, молъ, прежняго геройскаго вида, орлинаго взгляда, быстрого отвѣта, словомъ—огня!» и при этомъ намѣчается на «нѣкоторое ослабленіе дисциплины».

Но нельзя же отвергать и того, что «геройскій видъ» вытянувшись, какъ выражались солдаты, «изо всѣхъ послѣднихъ жилъ» человѣка, значительно оуплялъ его неестественнымъ напряженіемъ, и что «орлиный взглядъ», по той же причинѣ, имѣлъ тѣ же и послѣдствія; а быстрые отвѣты, какъ всѣмъ извѣстно, чаще всего разрѣшались казенной фразой: «не могу знать!» Наконецъ, этотъ исчезнувшій «огонь» все-таки былъ тотъ же «потѣшный»—ничего кромѣ собственнаго пороха, несжигающій. Въ отсутствіи всѣхъ этихъ наружныхъ признаковъ и заключается кажущееся и мнимое «ослабленіе дисциплины».

Отсутствіе же это произошло очень просто: выраженіе спокойствія и обдумчивости въ человѣкѣ—это естественное и необходимое послѣдствіе воспитанія его мягкимъ и сложнымъ способомъ убѣжденія и возбужденія въ немъ сознательности, то есть способомъ умственнаго и нравственнаго развитія. А орлиныя взгляды, срывающіеся отвѣты и весь наружный огонь были тоже естественнымъ послѣдствіемъ искусственной дресировки человѣка простымъ способомъ страха. Очевидная несовмѣстимость этихъ наружныхъ признаковъ со способомъ нынѣшняго воспитанія и уничтожила ихъ въ солдатѣ; о чемъ, разумѣется, и жалѣть не стоитъ.

Въ наше время, всѣми этими блестящими признаками обладала преимущественно молодежь; уже послѣ первой нашивки они начинали исподоволь сглаживаться въ человѣкѣ, а старые солдаты, «корневники», именно и отличались спокойствіемъ, обдумчивостію и скромностію, даже до суровости, взгляда. Разумъ ихъ, воздѣланный опытомъ, не прорывался быстрой рѣчью; огонь душевный таился глубоко, пожалуй—подъ пепломъ наружнаго равнодушія; твердая и не-

измѣнная дисциплина тоже не сверкала торопливостію и не выражалась непомерной вытяжкой. Онъ весь представлялъ собой скромное, но несомнѣнное достоинство.

Вотъ этотъ—то признавъ достоинства и мелькнувъ безотчетно въ памяти моей, при первомъ взглядѣ на толпу молодыхъ солдатъ. Было бы, разумѣется, льстиво уравнивать ихъ съ этими твердыми живыми столбами нашего прежняго фронта; но было бы несправедливо и не признать въ нихъ началъ именно этого достоинства.

Дѣло въ томъ, что теперь служба каждаго солдата именно съ того начинается, чѣмъ въ наше время кончалась служба нѣкоторыхъ: съ снисхожденія, вниманія и даже уваженія въ нему начальника. Въ наше время только избранные *дослуживались* до этого многими годами. Правда, что заслужившій уваженіе офицера старый солдатъ былъ, дѣйствительно, достоинъ его вполне: такихъ можно было считать десятками. Но сколько же хорошей, неокрѣпшей молодежи нравственно погибало подъ грозой сразу встрѣчавшаго ихъ страха? Такихъ надо считать сотнями, сравнительно съ первыми.

О дисциплинѣ нашего войска, всегда славившагося ею, кажется только и можно сказать, что она *осмыслилась* и перестала быть тупою. Лѣтъ десять назадъ, какому угодно статскому человѣку стоило только погромче, да поотрывистѣе спросить встрѣчнаго солдата: «который ты роты и какъ тебя зовутъ?» И онъ непременно вытягивался и отвѣчалъ: «такъ и такъ, ваше—ство!»—разумѣется, «превосходительство», хотя бы это «превосходительство» не достигало и 14-го класса. А теперь, напримѣръ, въ Вильнѣ, въ двухъ шагахъ впереди меня шли два безусыхъ солдатика и вели между собой горячій и уморительный *литературный* споръ. Я вмѣшался въ дѣло, и когда спросилъ одного изъ нихъ его имя, онъ, улыбаясь, отвѣтилъ: «а на что вамъ, *баринъ*?» По объясненіи—на что, онъ очень учтиво объявилъ свое имя, полкъ и роту: «стрѣлокъ 3-й роты» и проч. Но, при этомъ, не чистилъ меня не только «превосходительствомъ», но даже и «благородіемъ», а называлъ просто *сударемъ*. Еще-ли не упадокъ дисциплины!...

Оказалось, притомъ, что ловкій стрѣлокъ маленько прихвастнулъ: уже двѣ недѣли какъ онъ былъ переведенъ, кой-за что, въ 10-ю роту. Но и это скорѣе говорить въ пользу развитаго чувства чести въ молодомъ человѣкѣ: какъ не похвалиться, что я-де стрѣлокъ!.

Въ лагеряхъ, въ каждой палаткѣ, въ которую пришлось заглянуть, была книжка или двѣ, а въ нѣкоторыхъ оказалось и по писателю. Книжки большею частію служебнаго содержанія; не обошлось,

конечно, и безъ «Францыя Венеціана» и «Новѣйшаго Сонника»; но пока наши офени да коробейники не найдутъ выгоднымъ разносить по лицу земли русской путныхъ книгъ, и пока московскіе издатели не изобьютъ въ конецъ свои стереотипные наборы разныхъ «Францислей» да «Иванушекъ-Дурачковъ», до тѣхъ поръ народъ и солдаты будутъ тратить свои трудовыя деньги на этотъ печатный хламъ. Разумѣется, нельзя осуждать потребителей дозволеннаго товара, но, можетъ быть справедливо было бы нѣсколько затруднить производство страннаго продукта, который въ народной литературѣ играетъ такую же питательную роль, какъ во шахъ тараканъ: ни вкуса, ни навара, обложить бы его хоть налогомъ, какъ предметъ роскоши.

Вообще, печальное состояніе нашей народной, т. е. простонародной книжкой торговли особенно ощущается войсками—грамотнѣйшею средою народа. Бесѣдуя съ нѣкоторыми грамотѣями, я слышалъ не отъ одного: «хочется обзавестись собственной книжечкой, да взять—то ее негдѣ»!

Конечно, войскамъ нѣтъ еще необходимости въ полной русской бібліотекѣ; но грамотность уже привилась положительно: сознательное чтеніе укрѣпляется и любопытство вырастаетъ уже до любознательности; тутъ непремѣнно нуженъ хотя и ограниченный, но основательный выборъ книгъ. Закладывается фундаментъ великаго зданія—онъ долженъ быть проченъ. Къ сожалѣнію, матеріала, очевидно, не хватаетъ: даже въ фейерверкерской школѣ, превосходно устроенной и съ богатымъ музеемъ, бібліотека оказалась очень бѣдною и состоитъ больше изъ старыхъ книгъ.

На частную предприимчивость въ этомъ дѣлѣ рассчитывать пока невозможно: она, по необходимости, кончится спекуляціею; а не помочь дѣлу—оно само едва-ли двинется.

Фельдфебели и унтеръ-офицеры не упускаютъ случая пробѣжать газеты: современные военныя извѣстія поджигаютъ любопытство. Ординарцы и вѣстовые, неприкасающіеся ни къ какой вещицѣ командирской, не могутъ устоять противъ искушенія заглянуть въ газету, чуть представится случай. При такой возбужденной, общей охотливости, хорошій выборъ книгъ, въ достаточномъ количествѣ, разумѣется далъ бы такой же результатъ въ развитіи людей, какой дала стрѣльба при хорошемъ оружіи и обиліи патроновъ.

Къ сожалѣнію, стрѣльбы я не видалъ: она производилась за нѣсколько дней до моего пріѣзда и дала результаты, о которыхъ одинъ полковой командиръ выразился, что: «совѣстно и сказать—будетъ похоже на хвостовство».

Начальство, которому я обязанъ довольно близкимъ въ короткое время знакомствомъ моимъ съ нынѣшнимъ войскомъ, доставило мнѣ удобство видѣть все, что въ такой срокъ (по три дня въ каждомъ лагерѣ) возможно увидѣть. Въ девять часовъ утра мы были на коняхъ, на мѣстѣ маневровъ. Задача предложена несложная: двѣнадцать ротъ, съ двумя орудіями, должны были защищать позицію, лѣсистую возвышенность, лѣвымъ флангомъ упирающуюся въ лѣсъ, посредственной густоты насажденія, съ праваго фланга кончающуюся небольшимъ оврагомъ, открытую и преодолимую съ фронта.

Восемнадцать ротъ, съ двумя орудіями, должны были завладѣть ею.

Почти весь районъ маневра можно было обнять взглядомъ, и потому задача и выполненіе ея представляли полную наглядную ясность; это была живая лекція, видимая и понятная въ главныхъ чертахъ каждому смышленому солдату.

Маневръ заключился приказаніемъ: «пѣсенники впередъ! по домамъ маршъ!» И пѣхтура закатила—кромѣ басовъ, ничуть не хуже нашего стараго гренадерскаго фронта.

Въ десяти мѣстахъ, по доламъ и перелѣскамъ, гудѣла пѣсня, и въ одной колонѣ выскочилъ впередъ «пѣсенниковъ» проворный удалецъ и, подъ ладъ припѣва, ловко «откололъ» въ присядку.

Весь сказанный маневръ выполненъ былъ очень отчетливо: никакой суеты, ни тѣни аляповатости или мѣшковатости; движенія связаны, стройны; залпы и ура! дружны, внушительны и, главное—все видимо прочувствовано и оживлено, а не пропарадировано механически.

Сводя все видѣнное мною въ одно общее заключеніе, какъ солдатъ и офицеръ старой службы, позволяю себѣ утвердительно сказать, что между войскомъ стараго времени и нынѣшнимъ, кромѣ преемственнаго въ арміи нашей духа чести и народной устойчивости, осталось очень немного общаго. Иначе и быть не могло: только главная цѣль осталась та же, а способы и пути достиженія ея измѣнились и сократились окончательно. Солдатъ нашего времени едва въ три года становится по фронтовому образованію (не по развитію) соответственно требованіямъ службы, такимъ, какимъ является теперь въ одинъ годъ. Черезъ двадцать пять лѣтъ, имѣя свои неотъемлемыя боевыя добродѣтели и мудрость опыта, солдатъ выходилъ въ отставку далеко съ меньшимъ запасомъ правильныхъ свѣдѣній, нежели теперь черезъ десять лѣтъ.

Дрались въ наше время, извѣстно міру—какъ. Но бой бою рознь,

и вѣтъ ни одной причины думать, чтобы молодежь уступила въ этой высокой чести намъ. По мнѣнію многихъ, молодежь эта ужь слишкомъ молода; правда, въ глазахъ стараго солдата, молодость его храбраго племяша всегда казалась большимъ недостаткомъ, однако отнюдь не тѣмъ, который бы мѣшалъ ему бить врага. «Молодъ — глупъ», это добросердечное народное напоминаніе стариковъ молодежи о своемъ собственномъ достоинствѣ и бывалости. Въ наше время, почтенные дядьки говаривали своимъ племяшамъ-юнкерамъ, даже кончившимъ курсъ университета: «извините, сударь, вы еще глупы». Но въ боевомъ отношеніи этотъ упрекъ не имѣетъ смысла: прусскія войска казались чуть-что не мальчишками въ сравненіи съ австрійцами, но сражались и кончили войну неглупо. А, напримѣръ, саксонскія войска, сверхъ молодости своей, на видъ были такъ плохи, что невозможно было и сомнѣваться въ превосходствѣ французовъ предъ ними, и, однако, событія доказываютъ противное.

Вообще, молодость если и недостатокъ, то скоро-исправимый, и нынѣшній солдатъ, при современныхъ условіяхъ боя, требующихъ легкости, ловкости и быстроты движеній, безъ всякаго сомнѣнія не менѣе способенъ къ своему дѣлу, чѣмъ старый солдатъ былъ способенъ къ своему. Но вотъ въ чемъ онъ далеко ушелъ отъ воина нашего времени: это—*въ народномъ значеніи*.

Прежній солдатъ уносилъ въ себѣ изъ народа лучшія его силы—и безвозвратно. Нынѣшній возвращаетъ унесенныя имъ грубыя силы воздѣланными, возмужалыми и испытанными. Миліоны такихъ людей, пройдя чрезъ благотворную школу и трудный опытъ службы, возвратятся въ народъ, внесутъ въ него начала просвѣщенія, искорененіе вѣковаго суевѣрія и предрасудковъ, равовѣютъ юридическія понятія и чувство законности и то высокое сознательное чувство любви къ отечеству—патріотизмъ—въ которомъ и заключается несокрушимая сила народа. Это естественное послѣдствіе воспитанія человека на началахъ уваженія его личности—началахъ любви (*).

(*) Прежде всѣхъ такое воспитательное значеніе отставнаго солдата пойметъ народъ и непременно будетъ видѣть въ солдатѣ природеннаго и приспособленнаго жизнью учителя своихъ дѣтей. Въ народѣ, образованіе и воспитаніе понятія нераздѣльны: онъ упорствуетъ воспріятію образованія только потому, что не видитъ, чтобы образованіе, какъ, напримѣръ, грамотность, дѣлала людей лучшими, нравственнѣйшими. Поэтому же обучающихъ грамотъ народъ никогда не называлъ учителями или учительницами, а начетчиками да мастерицами. Едва ли признаетъ онъ и приготовляемыхъ для него въ учительскихъ семинаріяхъ учителей, потому что въ учитель онъ прежде всего желаетъ видѣть „почтенность“ и привыкъ связывать понятіе почтенности съ известнымъ возрастомъ и бывалостію человека. А молодой человекъ, хоть онъ и патентованный учитель, всегда будетъ

Какъ въ этомъ смыслѣ, такъ и въ боевомъ, организація арміи нашей если и оставляетъ желать чего-либо, то развѣ только всеобщаго равноправнаго участія въ военной службѣ всѣхъ классовъ общества: тогда заслуга ея въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія уравняется непобѣдимости ея въ полѣ.

Какъ офицеръ старой службы, не могу не признать еще болѣе существенной, чѣмъ въ службѣ солдатъ, разницы между службой офицера нашего времени и нынѣшняго: трудъ перевоспитанія солдата составляетъ личный подвигъ офицеровъ. Невозможно и сравнивать этихъ трудовъ и живыхъ отношеній къ солдату съ нашими несложными занятіями и форменными отношеніями къ нимъ. Мы были счастливы только громаднымъ числомъ исключеній изъ общаго правила, а правило заключалось всецѣло въ командованіи солдатами исключительно способомъ уставовъ.

Нашъ вѣкъ, то есть текущее время, называется вѣкомъ машинъ. На сколько это справедливо въ матеріальномъ отношеніи, на столько же противорѣчиво въ нравственномъ: изобрѣтеніе и сооруженіе первыхъ и разрушеніе послѣднихъ — вотъ эмблема и подвигъ нашего вѣка. Какъ бы ни казалось страннымъ такое мнѣніе, но въ нашемъ отечествѣ сказанная характеристика вѣка яснѣе всего оправдывается въ арміи, и въ особенности офицерами ея. Весь старый порядокъ механическихъ взаимныхъ отношеній всѣхъ чиновъ исчезъ, и одухотворенный механизмъ, ставъ жизнію, пересталъ быть механизмомъ. Мало общаго, напримѣръ, между духомъ дѣятельности прежнихъ и нынѣшнихъ офицеровъ, начиная отъ субалтерна, полковаго командира и до высшаго начальства. Самое упрощеніе взаимныхъ отношеній ихъ, разумѣется, тѣснѣе и тверже сплавливаетъ весь оживленный составъ арміи.

Это оживленіе и составляетъ дѣйствительный духъ арміи: армія, организованная на прежнихъ механическихъ началахъ, разбивается и побѣждается иногда однимъ удачнымъ сраженіемъ; армія, созданная на живыхъ началахъ, можетъ быть разбита и никогда не побѣждена.

въ его глазахъ „еще глупъ“. И въ этомъ смыслѣ, народъ, разумѣется, правъ: нравственность водворяется не въ умѣ, а въ сердцѣ человека, и, слѣдовательно, не преподаваніемъ, а живымъ примѣромъ; добродѣтели—продуктъ не искусства, а жизни. Поэтому-то народъ и усомнится даже въ самомъ достойномъ молодомъ учителѣ; а отставной солдатъ, проведенный, напримѣръ, чрезъ какую-либо педагогическую школу, семинарію, или прослушавшій „лѣтній педагогическій курсъ“ былъ бы именно искомымъ и желаннымъ сельскій учитель. На службѣ же, надежда удостоиться со временемъ этого званія имѣла бы самое благотворное дѣйствіе на солдата во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно въ боевомъ, потому что нравственные люди суть самые мужественные.

Если наша армія, несмотря на прежнее устройство ея, никогда не была побѣждаема, то только потому, что сила народнаго духа членовъ ея всегда преобладала даже надъ основными недостатками ея устройства. 1812-й годъ и защита Севастополя—ясныя тому доказательства.

Чего же можно ожидать отъ арміи, созданной въ доблестномъ духѣ народа?

Самая быстрота и цѣлостность успѣха настоящей реорганизациіи свидѣтельствуютъ о силѣ этого духа, которою и офицеръ и солдатъ имѣютъ равное право гордиться. Руководящій разумъ всѣхъ смѣлыхъ реформъ, конечно, на этой силѣ и основалъ свои расчеты, и они оказались вѣрными.

Честное знаніе и искусство могутъ значительно возвысить военную силу государства, точно такъ же, какъ нерадѣніе или неумѣніе могутъ окончательно ослабить ее; но тайна этой силы всегда пребываетъ въ нѣдрахъ ея источника—въ народномъ духѣ.

Передъ нами совершаются міровыя, изумительныя событія: армія, цѣлыя столѣтія справедливо гордившаяся блескомъ своего побѣдоноснаго оружія, владеть это оружіе и сдается въ плѣнъ цѣлыми корпусами и арміями. Не было, нѣтъ и не будетъ иныхъ причинъ такого безобразнаго явленія, кромѣ растлѣнія «народнаго духа».

Читая несчастныя строки извѣстій о послѣдовательномъ вооруженномъ паденіи силъ народа и о сдачѣ безъ боя армій, чувствуется какой-то неестественный—женскій стыдъ—стыдъ позорнаго паденія....

Да—слава оружія священна и нѣжна, именно какъ честь женщины: нѣтъ границы мужеству отчаянной защиты этой чести.

Благодаря Бога, мы никогда не имѣли даже права трепетать за эту нашу честь, при всевозможныхъ посягательствахъ на нее.

Армія каждаго народа есть самая почетная представительница «народнаго духа» и естественная защитница народной чести. Нашъ народъ можетъ только гордиться своею могучею представительницею—арміею, и особенно теперь, когда вся организациа ея становится дѣйствительно народною.

А. Погоскій.